

I. ROZPRAWY I ANALIZY

DOI: 10.17951/et.2021.33.67

Алла Кожина

Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь

ORCID: 0000-0002-5498-7037

e-mail: kozhinstar@gmail.com

О семантико-мотивационных связях некоторых средств выражения понятия *ЗДОРОВЬЕ* в русских диалектах

Semantics and motivation of the concept of HEALTH in Russian dialects

Abstract: The article focuses on two motivational patterns involved in the axiological concept of HEALTH in Russian dialects. These are “HEALTH← firmness, strength, power» and “HEALTH ← movement, location in a place». It is claimed that recurrent motivation patterns consolidate a large variety of expressions that convey the axiological concept HEALTH to a limited number of patterns. This becomes evident when not only word-formational motivation (the so-called “near» motivation) but also the inner form of a word (the so-called “distant» motivation) is considered. At the same time, popular consciousness within the boundaries of one pattern can reveal ambivalent views of reality.

Key words: axiological concept HEALTH; motivational patterns; Russian dialectal lexis

Введение

Аксиологическое понятие *ЗДОРОВЬЕ* во все времена было чрезвычайно важным для человека, и это привело к тому, что в языке присутствует большое количество средств его выражения. Последнее особенно актуально для диалектной речи, которая не укладывается в прокрустово ложе кодифицированной нормы. Можно предположить, однако, что все

разнообразии указанных средств выражения связано внутри рядом отношений, одним из типов которых являются отношения мотивационные.

Известно, что подобные отношения пронизывают всю лексическую систему:

В работах по лексической семантике (прежде всего в трудах Ю. Д. Апресяна и его школы) много раз было показано, что семантические отношения между словами, в том числе отношения мотивации, носят не индивидуальный, а системный характер, т. е. они отличаются повторяемостью, регулярностью и действуют на значительных рядах или даже массивах лексики. Регулярность мотивационных отношений проявляется себя в существовании мотивационных моделей, охватывающих не единичные пары слов, а целые классы слов — семантические поля (Tolstaĵa 2002: 114).

Можно предположить, что все разнообразие выражений аксиологического понятия здоровья также можно свести к ограниченному количеству моделей.

Для демонстрации этого утверждения рассмотрим две модели, которые охватывают значительное количество средств выражения аксиологического понятия *здоровье* в русской диалектной лексике, извлеченной из «Словаря русских народных говоров» и из некоторых других русских диалектных словарей. Следует отметить, что обоснованием для отнесения слова к той или иной модели может служить как «ближняя», так и «дальняя» мотивация, практически исчезнувшая внутренняя форма. Последнее представляется вполне обоснованным, поскольку даже полное ее (внутренней формы) «забвение не может стереть из истории лексики факта мотивационной и словообразовательной связи лексем — их генезиса» (Varbot 2008, 84). Безусловно, значения, объясняющие и обуславливающие появление друг друга при общности фонетической оболочки, а также отдельные дериваты могут фиксироваться в различных диалектах, но здесь не следует забывать о существовании диалектного континуума, а также о том, что данные, составившие «Словарь русских народных говоров», черпались из разных по времени и месту создания источников, следовательно, необходимый компонент мог существовать в том же диалекте, но не был зафиксирован; его наличие в другом диалекте как раз свидетельствует о такой возможности.

Две модели, которые предполагается рассмотреть в границах данной статьи, в определенном смысле являются семантически взаимоисключающими — представление о здоровье, как о чем-то крепком, твердом, следовательно, застывшем и статичном, и о чем-то, находящемся в движении, следовательно, в динамике.

Здоровье ← крепость, твердость, сила

Диалекты представляют большое количество лексем с корнем *здоров-* / *здрав-*: *здоровый*, *здоровье*, *здоровяга*, *здравенький*, *здравие*, *здравствовать* (SRNG 11 1976: 235, 236), *выздороветь* (SRNG 5 1970, 281), *оздоравливать*, *оздороветь* (SRNG 23 1987: 87), *поздоровиться* (SRNG 28 1994, 360) и многие, многие другие. В случае этих слов представление о твердости и крепости активизирует древнейший мифологический код, заложенный в мотивировку самой лексемы *здоровье*: «праслав. **szdorvъ*, где *sz*=др.-инд. *su* ‘хороший’ и **dorvo-*, связан чередованием с *дерево*, т.е. ‘из хорошего дерева’» (Vasmer 1986: 90). Подобное представление широко представлено в народных верованиях всех славян: в Новый Год над входом в дом втыкалась ветка дуба с пожеланием здоровья (Usačova 2008: 250), на различные праздники, преимущественно весенне-летние (Вербное воскресенье, Пасха, Юрьев день, но и Рождество и т.д.), имело место ритуальное битье освященной веткой, также упоминается качание на качелях на зеленых деревьях, пролезание под корнями вековых деревьев, через дупло и др. (Usačova 1999: 301).

Однако в мотивировочной семантике иных диалектных номинаций, связанных со здоровьем, древесный код представлен слабо и опосредованно. Здесь, пожалуй, можно привести в качестве примера только существительные *дуботолк* ‘тот, кто толчет дубовую кору для дубления’; ‘глупый, бестолковый, упрямый человек, дубина’ и ‘высокий, здоровый человек’, *дупля* ‘дуплистое дерево’ и, вероятно, ‘здоровая женщина’ (SRNG 8 1972: 240–262); *дуботёл* ‘рослый, здоровый парень’ (BTSDK, 142); также *лубяна* ‘большой дуб’ и ‘высокая, здоровая женщина’ (SRNG 17 1982: 173); *закомелок* ‘крепкий, здоровый ребенок’ (ср. *закомелистый* ‘комлистый’, ‘крепкий, кряжистый’) (SRNG 10 1974: 147); *калдаш* ‘нарост на дереве’ и ‘о физически крепком, здоровом человеке’ (SRNG 12 1977: 154), прилагательные *кондовый* ‘с прочной, плотной древесиной’ и ‘здоровый, крепкий’ (SRNG 14 1978: 247); *лубянный* ‘здоровый’ (SRNG 17 1982: 174); *свилеватый* ‘сучковатый, жилистый (о дереве, древесине)’ и ‘здоровый, крепкий’ (SRNG 36 2002: 279); *кренастый* ‘прочный, с большими корнями’, ‘плотный, широкоплечий, крепкого телосложения’ и ‘здоровый, сильный’ (SRNG 15 1979: 213), ср. *окоренастый* ‘крепкий, плотный, коренастый’, а также пример к *окренастый* – *Он был росту высокий и окренастый, здоровый, толстый* (SRNG 23 1987: 162).

Не всегда мотивационные отношения представляются очевидными. Так, во многих диалектах (от новгородских до саратовских) встречаются прилагательные *сверезжий* / *сверюжий* / *свирёжий* (SRNG

36 2002: 237, 249, 292), в состав семантики которых входит семантический компонент ‘здоровый, крепкий’. О неочевидности мотивации здесь свидетельствует хотя бы тот факт, что в этимологическом словаре М. Фасмера его происхождение объясняется как контаминация слов *свежий* и *тверезый* (Vasmer 1987: 574), а В.А. Меркулова рассматривает этот корень в одном ряду с такими основами, как *суровый*, *свирепый* (Merkulova 1965: 80–81). На связь же приведенных выше слов с древесным кодом указывает версия Л.В. Куркиной, производящей их от корня **ver-* с развитием семантики ‘совать, толкать’ → ‘жердь, палка, дубина’ → ‘надежный, крепкий, здоровый’ (Kurkina 1978: 27). Это подкрепляется и наличием в диалектной речи слова *сверюга* (249) (ср. также пример из «Словаря русских народных говоров» *сверюжая дубина* (SRNG 36 2002: 249)). Также неочевидно отнесение к рассматриваемой группе слова *трупердый* (SRNG 45 2021, 116), а, тем не менее, оно происходит от слова *труп*, которое могло не только обозначать останки, но и ствол, пень, чурбан, колоду, т.е. часть дерева, полученную в результате отрубания (Kruglikova 2008: 115–116). Интересно в этом отношении идиоматическое обозначение здорового человека с иной направленностью акции – *бревном (колунюм) не ушибить* (FSRGS, 207).

Любопытное развитие «древесной» идеи можно обнаружить в континуантах псл. **materz(jь) / matorz(jь)*, которые сближаются с лат. *materia* ‘строительный материал из дерева’ и другими производными со значением ‘древесина’, что позволяет сформулировать для названных псл. лексем, в частности, значение ‘материнское дерево, дающее новые побеги’ (ESSJa 17 1990: 248). Русские диалекты в рассматриваемом поле презентуют достаточное количество производных, в основе которых лежит указанное псл. образование: *материнный* ‘большой, здоровый, крепкий, сильный’, *материстый* ‘крепкий, здоровый’, *матернейший* ‘очень большой, крупный, здоровый’, *матеровый* ‘сильный, крепкий, здоровый’, *матерущий* ‘высокий, крупный, крепкий, здоровый’, *матерящий* ‘очень здоровый, крепкий, сильный’ (SRNG 18 1982, 24–28),

Возможно, именно опосредованность и неочевидность вербального кода в сравнении с прозрачностью кода акционального, в основу которого кладется очевидное представление о пробуждающейся и урожайной природе, обуславливает здесь слабое развитие первого по сравнению со вторым. Можно обратить внимание и еще на то, что «древесные» лексеммы, участвующие в выражении аксиологического понятия *ЗДОРОВЬЕ*, связаны с представлением не о живом, а об отрубленном дереве (ср. признаки ‘дубина’, ‘пень’), а также имеют в основе своей семантики

признак крепости и твердости, иногда даже излишней, нежелательной у древесины (ср. ‘нарост на дереве’, ‘кряжистый’, ‘сучковатый’ и т.д.). Здесь следует вспомнить, что В. В. Мартынов добавлял для праслав. **-dovъ* еще одно значение: ‘твердое дерево’ (Martynov 2000: 104), и в этом случае древесный код расширится за счет упомянутого выше признака. Ряд слов, имеющих в своей семантике компонент ‘здоровье’, явно им мотивированы, ср. *крепак* ‘крепыш, здоровяк, силач’, *крепик* ‘здоровый, сильный человек; здоровяк’, *крепчак* ‘крепыш, здоровяк’, *крипъ* ‘физическая сила, выносливость’ (SRNG 15 1979: 215–216, 220, 260), ср. также *твердый* ‘здоровый, сильный (о человеке)’, *тверёденький* ‘крепкий, здоровый (о ребенке)’ (SRNG 43 2010: 322–323).

Идея крепости прочитывается и в метафорическом переносе, с участием которого возникают такие номинации, как *загвоздистый* ‘здоровый, крепкий’ (SRNG 9 1972, 358), *кремешный* (SRNG 15 1979: 210) (ср. праслав. **kremenъnъjъ* ‘кремневый’ для которого также реконструируется значение ‘крепкий, плотный, здоровый’ (ĚSSJa 12 1985: 143), *железный* в примере *У него точно железное здоровье то* (SRNG 9 1972: 62).

Крепость и твердость связана с уплотнением, и многие лексемы представляют здоровье именно в связи с таким преобразованием телесного материала – *заплотистый* ‘крепкий, здоровый’ (SRNG 10 1974: 330), ср. также результат процессов, выраженных глаголами *мять* (*намятыш* ‘сильный, крепкий, здоровый человек’ (SRNG 20 1985: 46), *месить* (*сухомес* ‘о толстом, здоровом человеке’ (SRNG 43 2010: 18); *смесок* ‘об упитанном, здоровом ребенке’ (SRNG 38 2004: 366)), *гнестнн* (*сгнетинъ* ‘плотно сбитый, здоровый человек’ (SRNG 37 2003: 23)), *бить* (*сбитень* ‘крепкий, здоровый, упитанный человек, ребенок’ (SRNG 36 2002: 176), *как молотом сбит* ‘о сильном, крепком, здоровом человеке’ (там же, 171)), *колотить* (*сколотыш* ‘здоровый, хорошо сложенный ребенок’ (SRNG 38 2004: 62)), *толочь* (*в ступе не столочь* ‘о человеке с хорошим здоровьем’ (SRNG 41 2007: 223)). Сюда также можно отнести глагол *оклёпаться* ‘выздороветь, поправиться’ (SRNG 23 1987: 126) от *клепать* ‘ковать (холодное железо; отбивать молотом; колотить валиком белье’ и т.д. (SRNG 13 1977: 279).

Семантическая связь ‘крепкий’ → ‘здоровый’, как известно, наблюдается и в обширном гнезде, где представлены различные дериваты, восходящие к псл. **edr-*: *ядреней* ‘здоровее, крепче’, *ядренный* ‘хорошего качества, крепкий’ и ‘здоровый, крепкий’ (SSRNGD, 610), *поядрей* ‘здоровее, сильнее, мужественнее’, *поядрёнее* и *поядреней* ‘посильнее, покрепче, поздоровее’ (SRNG 31 1997: 44), *разъядренеть* ‘пополнить, сделаться здоровым, крепким’ (SRNG 34 2000: 134).

Все приводимые выше примеры непосредственно увязывают крепость и силу. Кроме того, представление о креации здоровья через силу явно представлена во внутренней форме многих номинаций. Это, прежде всего, многочисленные дериваты с корнем *мог-*: *могитка* ‘сильный, здоровый человек’, *могти* ‘жить, быть в добром здоровье’, *могучий* ‘крепкий, хороший (о здоровье)’, *моженье* ‘сила, здоровье’, *могута* ‘здоровье, сила, крепость’ (SRNG 18 1982: 192–193, 197, 200) ср. *быть в могуте* ‘иметь крепкое здоровье, силы’ (FSRGS 20), *обмога* ‘выздоровление’ (SRNG 22 1987: 131), *цельноможный* ‘сильный, здоровый’ (SPG 519).

Сюда же можно отнести слова с корнем *влад-* / *волод-*: *владальный* ‘сильный, здоровый’ *владение* ‘сила, здоровье’ (SRNG 4 1969: 314, 316), *володать* ‘быть здоровым, действовать, функционировать’ (SRNG 5 1970: 48). Прозрачная мотивировка усматривается и в образованиях *осилеть* ‘окрепнуть, набраться сил, выздороветь’ (SRNG 24 1989: 6), *сильца* ‘сила, здоровье’ (SRNG 37 2003: 315) и *неслабкий* ‘здоровый, крепкий, сильный’ (SRNG 19 1983: 154). Интересно также образование *снажной* / *снажный* ‘сильный, крепкий, здоровый’ от *снага* ‘сила’ (Vasmer 1987: 696).

Существуют и иные связи, не столь очевидные, но закладываемые внутренней формой лексем с соответствующей семантикой.

На глубинном уровне внутренней формы идея крепости усматривается в гнезде слов с корнем *дяг-* (*дяглый* ‘сильный, здоровый, крепкий’, *дягнути* ‘становиться сильней, здоровей, лучше, крепче, расти’ (SRNG 8 1972: 305), *одягнуть* ‘поправиться, выздороветь’, *одягнуться* ‘ожить, оживиться, выздороветь’ (SRNG 23 1987: 71), поскольку для них, по одной из версий, реконструируется связь с и.-е. корнем **dhengh-* ‘достигать, крепко схватывать; крепкий, сильный’ (Anikin 2000: 10). Для континуантов же этого корня словарь отмечает не только значение ‘связывать’ (др.-исл. *tengja*), но и ‘бежать, нестись, идти большими шагами, спешить’ (лит. диал. *déngti*, лтш. *diēgt*, др.-англ. *tengan* (ËSSJa 5 1978: 24). Это дает возможность связать идею здоровья с представлением о движении, каковая модель представляется одной из наиболее продуктивных в рассматриваемом семантическом поле и будет представлена ниже.

Обширную группу, которую можно этимологически связать с предыдущей, образуют лексемы с корнем *дуж-* / *дюж-*: *подюжеть* ‘выздороветь’ *подюжеть* / *подюжатъ* ‘вырасти, окрепнуть, поздороветь’ (SRNG 28 1994: 227, 274), *сдюжатъ* ‘быть здоровым’ (SRNG 37 2003: 85), *одюжатъ* ‘выздороветь, окрепнуть’ (SRNG 23 1987: 70), *отдюжеть* ‘оправиться, выздороветь, прийти в себя’ (SRNG 24 1989: 173). Считается, что эти образования продолжают псл. **dugъ*, восходящий к и.-е. **dheugh-* (ËSSJa 5 1978: 150), однако Павел Я. Черных (Černyh 1994: 279)

предполагал, что этот корень возможен и с носовым – **dɔg- / deg-*, что позволяет связать его с рассмотренным выше *дыг-* (откуда, вероятно, и смягчение *д* в некоторых производных).

Упомянутая выше идея движения также просматривается в семантических вариантах псл. **krěpɔ*, **krěpɔkɔ* – ‘крепкий, сильный’ и ‘подвижный, проворный’; при этом следует помнить, что родственные балтские формы представляют именно искривленное движение, ср., например, лит. *krỹpti* ‘поворачиваться, оборачиваться, искривляться’ (ÈSSJa 12 1985: 136).

Последние образования позволяют нам связать идею статической твердости с идеей движения, которая играет одну из основных ролей в выражении аксиологического понятия *ЗДОРОВЬЕ* в диалектной лексике. Кроме того, по мнению Ж. Ж. Варбот, крепость входит в число качеств, необходимых для быстрого движения: «Ярко проявляется производность значения ‘быстрый’ от ‘крепкий, здоровый, зрелый, сильный’ (**krěrkъ*, **bъdgъ*, **bъjъpъ*, **sporgъ*, **jagъ*, **žestъkъ*, **drěcъpъ*, **edъgъ*)...» (Varbot 1998: 125).

Здоровье ← движение, положение в пространстве

Во многих случаях определенная выше связь прочитывается в прозрачной мотивировке лексемы: *выходиться* ‘оправиться после болезни, выздороветь’ (SRNG 6 1970: 53), *выйти на русь* ‘выздороветь’ (SRNG 5 1970: 286); *гулянье* ‘здоровье, жизнь’ (SRNG 7 1972: 224), *ходить на своих ногах* ‘сохранить хорошее здоровье’ (FSRGS 212), *обрезветь / обризветь* ‘выздороветь’, *обойтись* ‘прийти в себя, выздороветь’ (SRNG 22 1987: 200, 206, 261) (ср. также *резов ли* ‘здоров, как поживаешь’ (SRNG 35 2001: 33); *поркий* ‘здоровый, выносливый / резвый’ (SRNG 30 1996: 61), *сбразживать* ‘встать после болезни’ (SRNG 36 2002: 184), *подпрыгивать* ‘быть здоровым, здравствовать’ (SRNG 28 1994: 150), *крутой* ‘скорый, проворный, быстрый’ и ‘здоровый’ (SRNG 15 1979: 330). Здесь следует сказать, что только последнее действие коррелирует с народной обрядностью, поскольку в последнем случае акциональный код содержал лишь действия, которые можно определить, скорее, как антиповедение: кувыркание, катание по земле, подпрыгивание, скакание через костер и т.д. (Usačova 1999: 301), ср. также *перескакивание* ‘знахарское лечение эпидемических болезней – перепрыгивание здоровых людей через больного’ (SRNG 26 1991: 219).

Можно предположить, что здесь речь идет о способности к движению вообще (ср. Mel’nikova 2012: 9), а не о быстром или интенсивном

движении, о чем свидетельствует, например, контекст, приводимый для лексемы *варово* ‘быстро, проворно, живо’ (*варовый* ‘сильный, здоровый’): *Хоть не скоро, да споро, не варово, да здорово* (SRNG 4 1969: 58).

Любопытно, что представление о движении может формировать номинации, связанные со здоровьем, опосредованно. Так, в диалектах многие дериваты, в основе образования которых лежит глагол *телепаться*, приобретают возможность обозначать здорового человека, например, *телепень* ‘о здоровом, крепком, упитанном человеке’ (SRNG 44 2011: 5), *зателена* ‘крепыш, здоровяк’ (SRNG 11 1976: 87), *зателепистый* ‘здоровый, крепкий, сильный’ (SRNG 11 1976: 87); *отелепень*, *отелепок* ‘здоровый, упитанный, но вялый и избалованный мальчик’; *оттелепок* ‘здоровый грудной ребенок’ (SRNG 24 1989: 174, 335). При этом сам глагол *телепаться* имеет значение ‘тащиться, медленно идти или ехать’ (SRNG 44 2011: 5), что, казалось бы, противоречит наблюдениям о связи здоровья с быстротой движения, ср. «На синхронном уровне группа «Здоровье – болезнь» симметрична: в современных говорах актуальна связь значений ‘здоровый’, ‘сильный’ → ‘быстрый’ и ‘болезненный’, ‘больной’, ‘слабый’ → ‘медленный’» (Borisova 2016: 138). Думается, однако, что здесь не сам по себе глагол формирует необходимую семантику – говоря об основных значениях его дериватов, В.Н. Топоров полагал, что «семантика глагола *телепать(ся)* объясняет принцип формирования значений в соответствующем имени: ‘неупорядоченное, разнонаправленное движение’ → ‘нечто, отличающееся большими размерами и/или множественностью» (Торогов 1975: 13). Обращает на себя внимание тот факт, что в семантике всех приведенных выше номинаций присутствует идея о связи здоровья с полнотой (*телепень* также ‘о большом, толстом, тяжелом ребенке’, *зателена* ‘толстый, неповоротливый ребенок’ и т.д.). Здесь, как видно, медлительность движений определяет полноту, а последняя является показателем здоровья. Действительно, в условиях плохого и недостаточного питания полнота нередко рассматривалась в контексте здоровья, о чем свидетельствуют многочисленные номинации: *бирюк* ‘толстый, крупный человек’ с примером *Он здоров, как бирюк* (SRNG 2 1966: 294); *буйло* ‘о большом, здоровом человеке / о толстом, неповоротливом человеке’; *бухмет* ‘о толстом, здоровом человеке, животном / о толстом, неповоротливом, нерасторопном человеке’; *бухряк* ‘толстый, здоровый ребенок или подросток’ (SRNG 3 1968: 262, 324, 325); *втельный* ‘жирный, толстый, здоровый’ (SRNG 5 1970: 226); *дербень* ‘неуклюжий, мешковатый человек / здоровый, рослый парень’, *дородень* ‘рослый, полный, здоровый мужчина’ (SRNG 8 1972: 7, 133); *заводной* ‘здоровый, крепкий / толстый, мясистый’ (SRNG 9

1972, 325); *здебелый* ‘здоровый, крепкий, большой, толстый’ (SRNG 11 1976: 230); *здрюк / сдрюк* ‘очень здоровый человек, толстяк’ (SRNG 11 1976: 238, SRNG 37 2003: 85) (ср. также *суздрюк* ‘крепыш, здоровяк (о ребенке)’ (SRNG 42 2008: 185); *икряник* ‘толстяк, здоровяк’, *кайван* ‘о здоровом, толстом, пухлом ребенке’; *калапышка* ‘о полной, здоровой женщине, девушке’ (SRNG 12 1977: 183, 324, 335); *кокура* ‘о полной, пышущей здоровьем женщине’; *колапышка* ‘о толстом, низкорослом человеке’ с примером *Така колапышка, присадиста, здорова девка у нас уродилась* (SRNG 14 1978: 105, 111); *лунетка* ‘об очень полном человеке / о женщине крепкого здоровья’; *маслена* ‘здоровое полное лицо’ (SRNG 17 1981: 200, 331); *налитка* ‘о полной здоровой женщине’ (SRNG 20 1985: 19); *обляк* ‘толстяк, здоровяк’ (SRNG 22 1987: 116); *окладистый* ‘крепкого телосложения, высокий, здоровый / полный, приземистый’; *окоронок* ‘упитанный здоровый мужчина’ (SRNG 23 1987: 121, 155); *ослёток* ‘здоровый, толстый ребенок’; *осломок* ‘толстый здоровый ребенок, крепыш’ (SRNG 24 1989: 22, 24); *писюха* ‘о полненькой, здоровой девочке’, *побалахнее* ‘подороднее, поздоровее’, *побытеть* ‘поправиться, поздороветь, пополнить’ (SRNG 27 1992: 52, 185, 212); *помпух* ‘здоровый, толстый ребенок’ (SRNG 29 1995: 230); *прындык* ‘полнолицый, цветущего вида здоровый человек’, *пухлявочка* ‘полная, здоровая девочка, девушка’ (SRNG 33 1999: 72, 162); *салазан / салазанка* ‘полные здоровые мужчина / женщина’ (SRNG 36 2002: 54); *солощий* ‘здоровый, упитанный’ (SRNG 39 2005: 168); *телесный* ‘толстый, полный / здоровый, крепкий’ *тойный* ‘упитанный, полный’ с примером *Тойная – полная, здоровая, торба* ‘о крепком, здоровом, упитанном человеке’ (SRNG 44 2011: 7, 174–175, 262); *тузбаньё* ‘крепкие, здоровые, упитанные дети’, *тулка* ‘о невысокой полной женщине / о здоровом, упитанном человеке’; *тушный* ‘полный, толстый, тучный’ с примером *Как он здоров, какой тушный* (SRNG 45 2012: 221, 234, 312); ср. также *расти толще* ‘пожелание здоровья при чихании’ (SRNG 44 2011: 257); *прыснуть хочет* ‘здоровый, упитанный’ (FSRGS 214).

Безусловно, такие номинации иногда могут мотивироваться представлением о быстром движении, ср. *окретень* ‘плотный, здоровый человек’ (SRNG 23 1987: 163) из *окрятать* ‘сделать что-то быстро, качественно’ (Ѕажкина 2000: 186), но в большинстве случаев полнота и здоровье связаны с медлительностью и неповоротливостью, а в некоторых случаях и ленью (связи здоровья и лени см., например, (Еремина 2003: 49): *абреутень* ‘здоровый, но ленивый человек’ с примером *Абреутинь – сильный, упитанный, ну лодырь, баглай* ‘бездельник / здоровый, сильный’ (BTSDK 23: 30); *дошник* ‘здоровый, но ленивый человек’ (SRNG 8

1972: 166); *ерыкала* ‘долговязый, дородный человек, ведущий праздный образ жизни / здоровый человек’ (SRNG 9 1972: 37); *кобыляк* ‘о здоровом, рослом, но ленивом подростке, парне’ (SRNG 14 1978: 22); *лабзай* ‘толстый, здоровый, но ленивый человек’; *лабрэт* ‘рослый, здоровый, но ленивый мужчина’ (SRNG 16 1980: 215); *лобан* ‘крупный, здоровый мальчик или мужчина / большой ленивый мальчик или мужчина’; *лобарь* ‘о крепком, здоровом, но ленивом человеке’; *лобортрёс* и *лоботряс* ‘бездельник, лентяй, лоботряс / большой, здоровый человек’; *ломок* ‘физически здоровый, крепкий, но ленивый человек’; *лусма* ‘здоровая дебелая женщина’ с примером *Вон какая лусма, а работать не хочет* (SRNG 17 1981: 94–95, 98, 123, 241); *мерёховик* ‘о здоровом, толстом мужчине / о ленивом человеке’; *мерин* ‘о высоком, толстом человеке / о лентяе / о здоровом, сильном человеке’ (SRNG 18 1982: 116, 118); *озой* ‘ленивый человек / крепкий, здоровый, жирный, сытый человек’ (SRNG 23 1987: 97); *охлябина* ‘большого роста, здоровый, но ленивый человек’ (SRNG 25 1990, 38); *сатюк* ‘толстяк / ленивый, неповоротливый человек / сильный, здоровый человек’ (SRNG 36 2002, 152); *себёр* ‘здоровый, сильный, но праздный человек’ (SRNG 37 2003: 94). С этим же коррелирует представление об избалованности, ср. дериваты, в основе которых лежит глагол *пестить*: *запестыш* ‘о полном, здоровом ребенке’; *запехтяй* ‘толстый, здоровый ребенок’ (SRNG 10 1974: 313, 314); *лепестень* ‘о полном, здоровом ребенке / о ребенке, который любит, чтобы его качали на руках’ (SRNG 16 1980: 360), *опестыш* ‘полный, здоровый, ухоженный ребенок’ (SRNG 23 1987: 243), ср. также *лелёк* ‘употребляется в сравнении, когда говорится о ком-, чем-либо молодом, сильном здоровом’ при *лелекать* ‘беречь, нежить, лелеять’ (SRNG 16 1980: 343).

Как видно, подобные номинации количественно превышают те, где здоровье связывается с быстротой движения (*обрезветь, поркий, подпрыгивать*).

Кроме того, что представление о горизонтальном движении, лежащее в основе номинаций, связанных со здоровьем, представляется чрезвычайно специфическим, интересно и образующее рассматриваемые номинации движение в вертикальной плоскости. Так, движение вверх представлено в семантике глаголов и глагольных словосочетаний *одыбать* ‘встать на ноги после болезни, поправиться, выздороветь / подняться, прийти в нормальное состояние (о растениях)’ (69), *одыбываться* ‘поправиться, выздороветь’ (SRNG 23 1987: 69, 70), *сдыбать* ‘прийти, добраться’ и ‘выздороветь, подняться с постели’ (SRNG 37 2003: 88). Семантика этих лексем показывает, что между вертикальным

и горизонтальным движением нельзя провести явную границу, кроме того, лежащий в основе их образования корень **dyb-* принимает участие как в образовании единиц, значение которых содержит сему 'движение вверх' (рус. *на дыбы, дыбом, дыбиться*), так и в формировании слов, содержащих сему 'движение в горизонтальной плоскости' (др.-рус. *дыбати* 'ходить украдкой', укр. *дыбати* 'ходить на ходулях', блр. *дыбаць* 'ступать, приподнимаясь на большие пальцы', где, кстати, заметен и элемент движения вверх) (Černyh 1994: 227). Сочетание горизонтального и вертикального движения заметно и в словосочетании *сбрести на ноги* 'выздороветь, окрепнуть' (SRNG 36 2002: 263).

Такое объединение двух типов движения видно и на примере лексем, корни которых восходят к псл. **klemati (se)*: *клемать* 'быть здоровым'; *окламатыся* 'укрепить здоровье отдыхом', *оклемать* 'поправить чье-л. здоровье'; 'выздороветь, поправиться' (SRNG 23 1987: 123–124), *склематыся* 'выздороветь, оправиться после болезни или тяжелого потрясения'; ср. также *сколяматыся* 'выздороветь, поправиться' (SRNG 38 2004: 38, 70); *охлематыся* 'выздороветь, прийти в себя' (SRNG 24 1989: 33). Континуанты этой лексемы в различных славянских языках могут обозначать как движение в горизонтальной (болг. диал. *кл'омам* 'ходить медленно'), так и в вертикальной (словен. диал. *klemati* 'кивать, качать', чеш. *klimati* 'клевать носом, кивать, качать (особенно головой)', плоскости сама же она родственна глаголу **kloniti*, ср. также ст.-чеш. *kleměti* 'сидеть согнувшись' (ÈSSJa 9 1983: 194)¹. Эти отношения чрезвычайно интересны, поскольку в языке обычна мотивационная модель 'здоровый' ← 'прямой, негибачаемый' / 'больной' ← 'искривленный' (Mel'nikova 2012: 10). Это коррелирует с бинарной оппозицией 'прямой – кривой', где первое из составляющих является положительным.

Можно привести еще один пример искривления, связанного с номинацией возвращения здоровья: *вскривиться* 'оклематься, оправиться от тяжелой болезни' (SRNG 5 1970: 204). Представление о неправильном, колебательном движении, отклонении от вертикальной, прямой оси реализуется и лексемами *оклечать* 'выздороветь, поправиться' (SRNG 23 1987: 126) и *оклешаться* с тем же значением, которые связаны с псл. **obklečati*, в свою очередь, являющимся производным от **ob-* и **klečati* (ÈSSJa 27 2000: 122), где последнее составляющее связано с корнями **klen-* / **klon-* (ср. **kloniti*) (ÈSSJa 29 2002: 10). Подобная мотивировка здоровья как связанного с искривлением наблюдается и в лексеме *сгибень* 'здоровый, высокий человек' (SRNG 37 2003: 17). Движение,

¹ Ср. выше идею искривленного движения в связи с псл. **krěpъ*, **krěpъkъ*.

связанное с болезненным состоянием, реализует и глагол *охряматъся* ‘выздороветь, поправиться’, в основе которого лежит псл. **obxromnqti*, являющееся сложением префикса **ob-* и корня **xrom-* (ср. *xромой, xромать*) (ËSSJa 27 2000: 82).

Первое составляющее названной выше бинарной оппозиции ‘прямой’ – ‘кривой’ также находит свою реализацию в номинациях здоровья, реализуясь континуантами корня *прав-*: *правый* ‘здоровый, без увечий и физических недостатков’ (SRNG 31 1997: 62), *исправный* ‘крепкий, плотный, цветущий’ (SRNG 12 1977: 243), *поисправнее* ‘пополнее, поздоровее’ (SRNG 28 1994: 382), *поправа* ‘выздоровление, поправка’, *поправленный* ‘поправившийся, выздоровевший’ (SRNG 29 1995: 338–339), *правный* ‘здоровый’, *принавривать* ‘поправиться, выздороветь’, *справитъся* ‘выздороветь, поправиться’, *справный* ‘здоровый, крепкий, упитанный’, *справенький* ‘здоровый, крепкий’ (SRNG 40 2006: 257–259). Дальнейшее развитие этого составляющего приводит к представлению о здоровье, как о правильном состоянии, ср. *справедливый* ‘правильный, настоящий, подлинный’ и ‘здоровый’, *справский* ‘истинный, настоящий’ и ‘полный, упитанный, здоровый’ (SRNG 40 2006: 252, 260).

В основе приведенного выше сопоставления лежит идея поднятия на ноги, выпрямления, движения в вертикальной плоскости. Известно, что классическим представлением о вертикально ориентированном положении в пространстве является древо: «Мировое древо и любой из его эквивалентов занимают вертикальное положение. Оно является доминантой, определяющей содержательную организацию вселенского пространства» (Торогов 2010: 216). Таким образом, через вертикально ориентированное пространство и движение в нем мы снова приходим к древесному коду, определяющему внутреннюю форму лексемы *здоровье*, замыкая тем самым фрагмент рассматриваемого семантического поля, который был образован реализацией идеи здоровья через статическую твердость и динамическое движение.

Заключение

Как видно, аксиологическое понятие *ЗДОРОВЬЕ* в его представлении русским диалектным материалом даже в малом своем фрагменте обнаруживает отдельные модели, реализующиеся в различных лексемах, причем связь здесь может быть обнаружена как на поверхностном, так и на глубинном уровне. При этом народное сознание охотно реализует амбивалентные идеи – так, для номинации здоровья может использоваться представление о быстром и медленном движении, горизонтальном

и вертикальном, прямом и искривленном. В некоторых случаях эти идеи противоречат конечной номинативной цели – так, здоровье во внутренней форме лексемы может кодироваться не через цветущее и возрождающееся дерево, а через кривое, узловатое, вообще неживое. Однако эти противоречия не разрушают устанавливающиеся в пределах семантического поля связи, а укрепляют их, поддерживая логическое следование кажущимся противоречием. Все это становится возможным благодаря символической семиотической сущности языковой системы – в конечном итоге слово нивелирует идеи содержащиеся во внутренней форме, и они не оказывают влияния на успешность коммуникации. Однако, сохраняясь на глубинном уровне, эти идеи не только цементируют систему отдельного диалекта, но и создают междиалектные связи, объединяя различные образования в единую систему общенародного языка.

Литература

- Anikin Aleksandr E., 2000, *Slavjanskaja leksika na neslavjanskom fone* (1–7), [v:] *Ètimologija 1997–1999*, red. Žanna Ž. Varbot, Moskva: Nauka, s. 6–12.
- Borisova Elizaveta O., 2016, *Russkaja leksika so značenijem bystryoty – medlitel'nosti v semantiko-motivacionnom aspekte. Dissertacija na soiskanie učenoj stepeni kandidata filologičeskich nauk*, Ekaterinburg: UrFU.
- Čajkina Julija I., 2000, *Èkspressivny so značenijem lica (na materiale govorov s. Dmitrievskoe Čerepoveckogo rajona Vologodskoj oblasti)*, [v:] *Kul'tura Russkogo Severa v preddverii tretjego tysjačeljetija*, Vologda: Legija, s. 185–192.
- Černyh Pavel J., 1994, *Istoriko-ètimologičeskij slovar' sovremennogo russkogo jazyka*, t. 1, Moskva: Russkij jazyk.
- Eremina Marina A., 2003, *Leksiko-semantičeskoe pole «Otnošenje človeka k trudu v russkikh narodnykh govorah: ètnolingvističeskij aspekt. Dissertacija na soiskanie učenoj stepeni kandidata filologičeskich nauk*, Ekaterinburg: UrFU.
- Kruglikova Ljudmila E., 2008, *Trupjorda // Russkaja reč'*, 5, s. 114–118.
- Kurkina Ljubov' V., 1978, *Russ. dial. malohol'nyj, sverežij*, [v:] *Ètimologičeskije issledovanija*, t. 1: *Ètimologija russkikh dialektnykh slov*, red. Aleksandr K. Matveev, Sverdlovsk: Ural'skij universitet, s. 23–27.
- Martynov Viktor V., 2000, *Slavjanskije anagrammy*, [v:] *Ètimologija. 1997–1999*, red. Zhanna Zh. Varbot i dr., Moskva: Nauka, s. 102–106.
- Mel'nikova Svetlana A., 2012, *Motivacionnaja i genetičeskaja karakteristika leksiko-semantičeskogo polja «Sila, zdorovje / slabost', bolezni'» v russkom jazyke*, Moskva: MGU, 2012.
- Merkulova Viktorija A., 1965, *O nekotoryh principah ètimologii nazvanij rastenij*, [v:] *Ètimologija 1964*, red. Leonid A. Gindin i dr., Moskva: Nauka, s. 80–81.
- Tolstaja Svetlana M., 2002, *Motivacionnye semantičeskije modeli i kartina mira, «Russkij jazyk v naučnom osveščeni»* 1(3), s. 112–127.
- Toporov Vladimir N., 2010, *Mirovoe derevo: Universal'nye znakovye komplekсы*, t. 1, Moskva: Rukopisnye pamjatniki Drevnej Rusi.
- Toporov Vladimir N., 1975, *K objasneniju nekotoryh slavjanskikh slov mifologičeskogo haraktera v svjazi s vozmožnymi drevnimi bližnevostočnymi paralleljami*, [v:]

- Slavjanskoe i balkanskoe jazykoznanie. Problemy interferencii i jazykovyh kontaktov*, otv. red. Galina P. Klepikova, Moskva: Nauka 1975, . 3–49.
- Usačova Valerija V., 2008, *Magija slova i dejstvija v narodnoj kul'ture slavjan*, Moskva: Institut slavjanovedenija RAN.
- Usačova Valerija V., 1999, *Zdorov'e*, [v:] *Slavjanskije drevnosti*, t. 2, obšč. red. Nikita I. Tolstoj, Moskva: Meždunarodnye otnošenija, s. 299–303.
- Varbot Zhanna Ž., 2008, *Ėtimologičeskie gnezda i leksiko-semantičeskie polja v diahronii i sinhronii*, [v:] *Slavjanskoe jazykoznanie. XIV Meždunarodnyj sjezd slavistov (Ohrid, 10–16 sentjabrja 2008 g.)*. *Doklady rossijskoj delegacii*, otv. red. Aleksandr M. Moldovan, Moskva: Indrik, s. 84–95.
- Varbot Žanna Ž., 1998, *Slavjanskije predstavlenija o skorosti v svete ėtimologii (k rekonstrukcii slavjanskoj kartiny mira)*, [v:] *Slavjanskoe jazykoznanie. XII Meždunarodnyj sjezd slavistov (Krakov, 1998 g.)*. *Doklady rossijskoj delegacii*, otv. red. O. N. Trubačev, Moskva: Nauka, s. 115–129.
- Fasmer Maks, 1986, *Ėtimologičeskij slovar' russkogo jazyka*, t. 1, Moskva: Progress.
- Fasmer Maks, 1987, *Ėtimologičeskij slovar' russkogo jazyka*, t. 3, Moskva: Progress.

Источники

- BTSDK – *Bol'šoj tolkovyj slovar' donskogo kazačestva*, red. Vladimir I. Degtjarev i dr., Moskva: OOO «Russkie slovari», OOO «Izdatel'stvo Astrel'», OOO «Izdatel'stvo AST», 2003.
- ĖSSJa – *Ėtimologičeskij slovar' slavjanskich jazykov. Praslavjanskij leksičeskij fond*, vyp. 1–39, otv. red. Oleg N. Trubačev, Moskva: Nauka, 1963–2018.
- FSRGS – *Frazeologičeskij slovar' russkich govorov Sibiri*, otv. red. Aleksandr I. Fedorov, Moskva: Nauka, 1983.
- SPG – *Slovar' permskih govorov*, vyp. 2, red. Aida N. Borisova i dr., Perm': Izdatel'stvo «Knižnyj mir», 2002.
- SRNG – *Slovar' russkich narodnyh govorov*, red. Fedot P. Filin, Fedor P. Sorokoletov, Ol'ga D. Kuznecova, t. 1–51, Moskva, Leningrad, Sankt-Peterburg: Nauka, 1965–2019.
- SSRNGD – *Slovar' sovremennogo russkogo narodnogo govora (d. Deulino Rjazanskogo rajona Rjazanskoj oblasti)*, red. Iosif A. Ossoveckij, Moskva: Nauka, 1969.

O semantycznych i motywacyjnych powiązaniach niektórych środków wyrażenia pojęcia ZDROWIE w dialektach rosyjskich

Streszczenie: W artykule poddaje się analizie dwa typy relacji motywacyjnych, tworzących pojęcie ZDROWIE w dialektach rosyjskich: «zdrowie» ← «jędrność, siła, siła» oraz «zdrowie» ← «ruch, pozycja w przestrzeni». Sugeruje się, że regularność modeli motywacyjnych prowadzi do możliwości sprowadzenia całej różnorodności wyrażen danego pojęcia aksjologicznego do ograniczonej liczby modeli, jeśli weźmiemy pod uwagę nie tylko motywację «bliską», czy słowotwórczą, ale też «odległą», czyli uwarunkowaną formą wewnętrzną leksemu. Też należy brać pod uwagę fakt, iż świadomość językowa narodu w granicach tego samego modelu może realizować ambiwalentne wyobrażenia o otaczającym świecie.

Słowa kluczowe: pojęcie aksjologiczne ZDROWIE; modele motywacyjne; rosyjskie słownictwo dialektalne